

A photograph of a river or stream in a wooded area. The water is calm, reflecting the surrounding trees and sky. In the foreground, there is a large, tangled mass of fallen branches and twigs. The overall atmosphere is quiet and somewhat somber due to the mist.

18+

ГЕРБЕРТ ГРЁЗ

ТУМАННАЯ ТИШЬ

Герберт Грëз

Туманная тишь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55559880

ISBN 9785449889881

Аннотация

Одним июньским утром молодой человек по прозвищу Кыц получает послание из будущего. Чуть позже в городском парке, вдали от водоемов, обнаруживают тело юноши с явными следами утопления. Начинается расследование, в котором принимают участие полиция, экзорцист, ведьма и человек с парадоксальным интеллектом.

Содержание

Глава 1. Черная фотография	5
Глава 2. «Таинственное исчезновение»	14
Глава 3. Полиция в кафе	22
Глава 3,5 потому что короткая	30
Глава 4. Маленькая модница	33
Глава 5. Инфографическая дискуссия	47
Глава 6. Синяя шестерка	55
Глава 7. Антиквар	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Туманная тишь

Герберт Грëз

© Герберт Грëз, 2020

ISBN 978-5-4498-8988-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Черная фотография

Город разбежался от подножия холма узкими извилистыми улочками. Тихими и уютными, заставленными старинными домиками, похожими на детские кубики. Я смотрел на горизонт, где за лабиринтом зеленых аллей и кирпичных кварталов громоздились унылые серые глыбы – безликие и холодные. Безотлагательные и необходимые дела звали меня туда.

Где-то позади меня обыденной суетой копошился транспорт. Можно было бы развернуться и пойти занять место в какой-нибудь душной металлической коробке, кое-как устроившись между пахнущей валидолом бабкой и потным любителем пива, но на самом деле мне этого смертельно не хотелось. Поэтому я решил сойти с холма пешком. Путь неблизкий и не без дурной славы, но относительно быстрый. Во всяком случае, не нужно объезжать полгорода.

Примерно до середины склона деревьев было мало, и спуститься труда не составляло. Потом зачастили кусты, то и дело попадались поваленные стволы. И вот, наконец, я добрался до самой проблемной части пути. Холм горбился высоким валом, почему-то очень плотно заросшим деревьями. И переход через него занял бы по времени столько же, сколько и весь спуск, если бы не широкая бетонная труба, проходившая в основании насыпи. Взрослый человек среднего роста

мог идти по этой трубе, чуть согнувшись – диаметр вполне позволял. В длину она была, можно сказать, короткой – метров двадцать – но стоя на одном ее конце, другого видно не было. Это от того, что посередине труба резко изгибалась под приличным углом. Сложно сказать, чем руководствовались строители, но получилось необычно.

Любая другая подобная конструкция давно бы уже наполовину заполнилась мусором или стала пристанищем деклассированных элементов, но почему-то только не эта. И вовсе не от того, что от нее до ближайшей цивилизации было километра два ходу. И даже не от того, что найти эту трубу было делом не таким уж и простым. А от того, что просто находясь рядом с ней, любой человек начинал чувствовать какой-то безотчетный страх. Такое тяжелое и неприятное ощущение, а еще почему-то холод. Даже в самый жаркий день.

Мусора в трубе не было почти, ну разве только несколько сухих листьев и обломанных веточек заносило порой ветром. Удивительная строгая чистота и странная отчужденность.

И вот мне предстояло пройти через это небольшое препятствие. Преодолевая дрожащее чувство необъяснимой жутки и какого-то непонятного трепета, я шагнул в трубу.

Мне хотелось миновать ее побыстрее, и я был исполнен решимости сделать это, но вдруг мой взгляд коснулся какой-то странной вещи, лежавшей на чистом светло-сером бе-

тоне.

Это был клочок бумаги. Фотобумаги. Но не обычной, белой с надписями на одной стороне и наполовину выцветшими непонятными рожами на другой. Нет. Совсем нет. Черной. Как будто увеличенный негатив, необъяснимым образом попавший на бумагу.

Изображение было, но оно мне в темноте бетонной трубы показалось каким-то кричащим, будто бы флюоресцентным. Что-то в этой бумажке казалось очень и очень знакомым, и, повинаясь внутреннему голосу, я взял ее себе.

И сразу же почувствовал на себе чей-то взгляд. Как будто кто-то в этой странной трубе стоял за моей спиной и смотрел прямо в затылок. Разумеется, никого сзади не было, я проверил, но ощущение было на редкость мерзким. Мысленно сравнив себя с персонажем дешевого фильма-ужастика, я неожиданно для себя улыбнулся и сделал шаг вперед.

В ответ на это в трубе поднялся ветер. Холодный и влажный, он нес в себе неприятную вонь, будто бы с тухлого болота. Вот это было уже совсем неожиданно и даже заставило меня растеряться.

Ветер стал неестественно сильным, а главное – каким-то очень целенаправленным. Казалось, он, словно невидимая рука, пытается проникнуть во внутренний карман жилета и достать оттуда найденную только что фотографию.

Не раздумывая особо, я двинулся быстрее, стараясь не обращать внимания на эту чертову вакханалию вокруг. Труба

кончилась, и я вновь оказался на солнечной лужайке, покрытой свежей травой. Здесь ветра почти не было, и в воздухе тихо играли легкие летние ароматы.

Ну, не зря же это место окутано недоброй славой. Ничего удивительного.

Я набрал в легкие воздуха, сделал паузу и выдохнул. Посмотрел вниз, туда, где зеленый цвет парка растворялся в серых тонах города. Пожалуй, зря я нервничаю. Все нормально. Бывает.

Остаток пути я преодолел неожиданно быстро, да и с делами справился на удивление удачно.

Но весь день не давали мне покоя эта странная фотография и происшествие в трубе. То и дело мысли возвращались к утренним событиям, отчего я порой немного терялся и действовал невпопад. Это давало отличный повод мысленно подтрунивать над собой, но к вечеру вся ситуация стала тягостной. И вот, в конце концов, я решился обратиться к одному старинному приятелю, который отличался весьма эксцентричным поведением и удивительно острым умом. И, повинувшись этому решению, я выскочил из троллейбуса, не доехав до дома почти половину пути, и побежал вглубь заросшего деревьями квартала «хрущевок».

Лунный – в нашей небольшой компании он отзывался на эту странноватую кличку – оказался дома. Я застал его за поеданием сухих обжаренных кофейных зерен, которые он аккуратно разбивал маленьким молоточком, перед тем,

как сгрызть.

– Хочешь попробовать? – спросил Лунный после обмена приветствиями.

– Не, спасибо, – ответил я. – Я кофе предпочитаю в жидком виде.

– Каждому свое. Выкладывай, с чем ты пришел?

– Во, – сказал я, протягивая ему фото. – Что можешь сказать?

Около минуты нашим общим собеседником была тишина. Наконец Лунный вернул мне карточку и сказал:

– А я и не знал, что ты женат.

– Чего? – честно говоря, я подумал на мгновение, что Лунный спятил. Его стиль мышления всегда был немного странноват, но тут он превзошел сам себя. – Не понял, что ты имеешь в виду?

– Кто кого разыгрывает – ты меня или кто-то тебя? Ведь на фото ты. С девицей в свадебном платье. Не узнал, что ли?

Я в недоумении уставился на изображение. Да, пожалуй, Лунный прав! Это так. Только вот черт меня возьми, если можно хоть немного понять, что происходит! Действительно, судя по всему, на фото осталась запечатленной свадебная сцена со мной и какой-то совершенно незнакомой девушкой в главных ролях.

– А почему фото такое... своеобразное? – задал я глупый вопрос, исчерпав все свои мыслительные возможности.

– Не знаю, – честно ответил Лунный. – Но вообще, конеч-

но, интересно. На чем это напечатано?

– На черной бумаге.

– Хм. Да. Не поспоришь. Переформулирую: с помощью чего? Это явно не обычный принтер был.

– Цветообразование другое... Аддитивная модель?

– Ага. Оно самое. Занятно очень. Необычно. Я ни разу за всю свою жизнь таких принтеров не видел, и, кстати говоря, сомневаюсь в том, что они вообще существуют. Всегда по бумаге субстрактивная. А тут мониторная модель, так еще и краски флуоресцентные. Но это все фигня, честно говоря. Я сегодня утром столкнулся с не менее странным явлением. Вот, посмотри.

Лунный покопался в стопке бумаг, лежащей у него на столе, и вытянул из нее конверт, который протянул мне.

На первый взгляд ничего необычного. Ну, разве что только отправитель – Самарский почтамт, без имени и фамилии. А так – письмо вроде бы как письмо. Внутри конверта лежал небольшой отрез бумаги, на котором красивым почерком была написана одна-единственная фраза.

«Восемь птиц, смотрящих на юг, откроют тайну зеленой воды».

Синие буквы, ровненькие и кругленькие, словно колобки. Я в замешательстве уставился на Лунного.

– Вот и я так же, – кивнул он. – Понимаешь, дружище Кыц, мне не интересна тайна не то, что зеленой, но даже и любой другой воды. Для меня, честно-то говоря, вода во-

обще не является тайной. Так что, какая бы ни была, она мне не актуальна. Но в мире нет случайностей, и для чего-то нам с тобой сегодня попались эти нелепости. Давай сгрызем по зернышку и подумаем.

– Э... Лунный, а можно я просто заварю кофе?

– Валяй. Но только себе. Я погрызу.

– Ради Бога, – согласился я, отсыпая зерна в кофемолку.

Пока кофе варился, я рассказал Лунному и о ветре в трубе.

– Ну, на «пути Ловеласа» еще не такие вещи случаются, – спокойно сказал Лунный.

– Чего? – опешил я. – Какого еще ловеласа?

– А, так ты не знаешь? О, дружище, сейчас расскажу. Эта дорога от университетской площади до кинотеатра «Современник» – идея старая и в целом рациональная. Когда-то там люди ходили постоянно. Но где-то в конце семидесятых случилось там нечто совершенно непонятное и трагичное. Идущий ранним утром на работу вахтер гаражного кооператива с ужасом обнаружил лежащих вдоль спуска тела восьмерых женщин, одну за одной. Все восемь были в ночных одеждах и без обуви. Замыкал этот кошмарный ряд труп молодого человека в черном костюме, лакированных ботинках и шляпе. Ну, ясное дело, началось расследование. Личности убитых дам установили, а вот юноша пожелал остаться неизвестным. Было в нем вообще что-то странное: одет по моде начала века, с завитыми усами, без документов. Причина смер-

ти всех девятерых тоже не прибавила оптимизма следователям. Они задохнулись, но при этом никаких следов на телах не было: ни веревок, ни рук, да вообще ничего. Тьфу, вру: у всех в легких вода нашлась. То есть, они вроде как захлебнулись посреди сухого прохладного места. А, да, вот еще что. Все восемь женщин были одинокими, но готовящимися к скорым свадьбам. И еще совпадением, которое отработывало следствие, было то, что они все работали на каком-то одном предприятии. Короче говоря, эта история настолько не понравилась доблестной милиции, что дело закрыли. Погибшего юношу прозвали «Ловеласом», а эту дорогу – путем Ловеласа. Спустя несколько лет в холмике сделали ту самую дыру с трубой, но целесообразность этого поступка вызывает серьезные сомнения, потому как на тот момент тропу совсем забросили, и лишь редкий смельчак брал на себя риск спуститься к «Современнику» по этому пути. Там и по сию пору паранормальщины хватает с большим избытком. Вот.

– Так себе история, – пробормотал я. – Сдается мне, это городская байка.

– Да может, оно и так, – кивнул Лунный. – В любом случае, дело давно забытое и не нашего ума. Давай-ка лучше про наши странности подумаем. Про моих восьмерых птиц и про твою фотку с молодой женой.

– Восемь птиц – восемь женщин. Не ходи по этому пути, если свадьба у тебя впереди.

– Поэт! – завистливо хмыкнул Лунный. – Интересное сопоставление. Давай еще что-нибудь измыслим.

Мы пытались. Честно. Старались подогнать какие-то городские события к нашим, анализировали, сопоставляли.

Но все дальнейшие думы ни к чему не привели ввиду отсутствия актуальной информации. Поэтому мы просто констатировали факт, что пока не в состоянии сообразить ничего путного, и разошлись, договорившись встретиться завтра у причала.

Глава 2. «Таинственное исчезновение»

Утром, заваривая себе кофе, я понял, что, во-первых, жить одному очень круто, а во-вторых, та вчерашняя находка не заслуживает столько внимания. В конце концов, ну что от того, что нашлась какая-то там фотография? Пусть даже якобы со мной? Это, кстати, еще доказать надо. У Лунного глаз острый, конечно, но он все же не компьютер. Да и потом, почему я обязательно должен решать какие-то загадки и искать ответы на вопросы, которые меня мало волнуют?

Однако прошло с полчаса, и настроение почему-то резко поменялось. Я собрался и вышел из дома, направившись к причалу. Не дойдя до спуска к реке какую-то сотню метров, чуть не присел от неожиданности: за моей спиной раздался голос.

– Летом человек встает рано, – сообщил голос.

– Фу, Лунный, ну тебя к черту, – усмехнулся я. – Здорово. Что надумал за ночь?

– Если пшикать в комаров лаком для волос, то в комнате очень скоро начинает сильно вонять.

– Грандиозно. А если по делу?

– А по делу у меня здесь яхта.

Да, забыл сказать, почему именно причал был выбран ме-

стом для нашей деловой встречи. Пару лет назад мой друг приобрел у какого-то неустановленного гражданина кучу лома, когда-то бывшего парусно-моторной яхтой. Надо отдать должное целеустремленности, методичности и мастерству Лунного, поскольку довольно скоро эта жалкая посуда на превратилась во вполне себе плавсредство. А еще через некоторое время так и вовсе стала предметом зависти. Мой эксцентричный приятель дал своему судну название «Таинственное исчезновение», чем смутил даже бывалых яхтсменов. В начале мая он умудрился сходить на ней до Каспийского моря, пройдя две реки, и вернуться обратно живым и относительно невредимым.

Вот около этой яхты мы и остановились. Оказывается, Лунному нужно было что-то в ней еще не то усовершенствовать, не то отремонтировать, короче говоря, он то и дело куда-то нырял, не особо поддерживая беседу. Мне не оставалось ничего другого, как курить и созерцать нелепое название, выведенное удивительно красивыми буквами на ослепительно белом борту кораблика. В конце концов, я рассердился и решил уйти, но тут Лунный вынырнул совсем и попросил остаться.

– Так вот, – начал он. – Я же говорил, что случайностей не бывает. И мы должны наблюдать. Мир сам подскажет нам, к чему вся эта история, и какую роль мы играем в ней.

– Тебе приснилось, что ли, что-то?

– Ну, как обычно. Гигантский муравей на детской пло-

щадке, молоковоз на катке, исполняющий номер фигурного катания, а, да, и еще груша с глазами.

– Ты серьезно?

– Как никогда. На самом деле, все вокруг умеет говорить. Только надо уметь слышать. И видеть. Если что-то начинается, то это неспроста. Смотри вокруг! И что-то обязательно подскажет тебе, что нужно делать.

– Ты хоть раз получал подтверждение своим словам? – слегка ухмыльнувшись, спросил я.

– Приведу ближайший пример. Дня три назад я шел по улице и споткнулся о какую-то ерунду, ветку, кажется. Упал. Ободрал руки. Разозлился, но решил оглядеться: ведь с такого ракурса я видел мир не так, как за несколько секунд до этого. И наткнулся взглядом на маленькие позолоченные часики, упавшие под лист какого-то лопуха так, что с дорожки их никак нельзя было заметить. Я подобрал их и огляделся. Мне-то часы были не нужны, но ведь кому-то совсем наоборот! И я увидел. Метрах в пятидесяти на скамейке сидела девочка, вся в слезах. Когда она получила обратно свою собственность, в ее взгляде было больше эмоций, чем у невесты, слушающей Мендельсона. Вот так. А не смотри я на мир, на одного несчастного человека было бы больше.

– Интересно. Позиция в целом интересная.

– А миру вообще есть, чем нас заинтриговать. Пошли мороженого купим.

В очередной раз удивившись логике Лунного, я сошел

на берег и осмотрелся вокруг. Мир если что и говорил мне, то на таком языке, понять который я был не в состоянии. Просто светило яркое июньское солнце, ползли по небу клочки белых облаков, шелестела на ветру трава. Обыденность.

После поедания мороженого мне пришлось оставить Лунного и поехать по делам, ибо мне позвонили, и я не успел поговорить по сути наших проблем.

Встретились вновь мы уже вечером, когда жара начала потихоньку спадать. В качестве занятия было выбрано сидение на берегу. Дабы привнести некоторое разнообразие, мы еще швыряли камни в воду. Молчание было вынужденным, оттого еще более тягостным. Оба знали, что нам нечего сказать друг другу. Лунный решил разбить тишину первым.

– Ну что? Есть новости?

– Не-а, – помотал головой я. – По нашей теме – никаких. А у тебя?

– Yo no soy marinero, soy capitán (я не моряк, я капитан – *исп.*), – серьезным тоном ответил Лунный. – Пошли на яхту. Не знаю, по теме это или нет, но кое-что я сегодня услышал интересное.

– А почему не здесь? На родном корабле и борта помогают?

– Нет, я забыл совсем, у меня там шашлык. Сам нажарил, сам же и спрятал. Пошли.

Мелкие волны с тихими всплесками постукивали в борт

яхты. На желто-розовом закатном горизонте кучковались тонкие облачка. Где-то кто-то ругался, и недовольные крикливые голоса эхом разбегались по всей реке. В теплое летнее небо улетал прозрачный дымок от почти погасшего костра, на котором Лунный разогревал мясо.

– Так вот, – сказал мой приятель. – Для того чтобы исключить твои раздумья и возможные сомнения, я скажу, что все то, что происходит сейчас вокруг нас, не имеет прямой связи с тем делом о Ловеласе и его восьмерых подружках. То, что ты оказался в той трубе – не более чем совпадение. На самом деле это что-то ближе, происходящее вот в это самое время, и имеющее к нам непосредственное отношение. Почему я так думаю? Сейчас расскажу. Я заканчивал ремонт левой цепи ходовых огней, когда услышал голос с соседней яхты. Не знаю, с чего зашел там разговор, мне досталось слушать его с середины, но этого хватило. Речь шла о каком-то старинном пионерском лагере, заброшенном еще с конца советской эпохи. Насколько я мог расслышать, место это жуткое и полное каких-то необычностей. Он даже пока работал, снискал славу недоброго, а уж теперь и подавно. Если излагать кратко, то где-то в конце шестидесятых в этом лагере пропал один пионер. По характеру дерзкий и непреклонный, сильный и храбрый. Исчез, зараза, совсем, ни тела, ни следов. Дело печальное, и вроде бы закрытое, если бы не одно но. Спустя пару лет начали пропадать другие пионеры и пионерки, но этих, в отличие от того, находили. Мертвыми.

С одной важной деталью: в волосах каждого обнаруживались водоросли. Был сделан вывод о том, что подростков топили в реке, а потом тащили в лагерь. И подбрасывали в виде сувениров то вожатой, то директору. Так продолжалось где-то до конца восьмидесятых, когда один особо умный эксперт додумался сравнить водоросли с волос и в реке. И не нашел ничего общего. Более того, он опубликовал статью, где говорил о том, что водоросли в волосах жертв характерны для стоячей воды, и чтобы их было именно столько, тело должно несколько часов пробыть в той самой воде. Следствие зашло в тупик, дело развалилось, а потом и Советский Союз проследовал туда же. Лагерь закрыли, и все вроде бы кончилось. Но это не точно.

– Сдается мне, местные жители кое-что заметили.

– Ты что-нибудь знаешь о памплонке? – вдруг ни с того, ни с сего, спросил Лунный.

– О ком? – мне показалось, что я плохо расслышал.

– О памплонке.

– По всей видимости, ничего.

– Вот и я тоже, – вздохнул Лунный. – А надо бы.

Только зная характерную особенность мышления моего приятеля, я не записал его в чокнутые. Иногда его логические цепочки выглядели в высшей степени нелепо, но оказывались единственно верными. Именно поэтому я спокойно проглотил «памплонку». То ли еще будет, знаете ли.

– Так что? – спросил я, стараясь быть невозмутимым. –

Какое, по-твоему, отношение может иметь к нам история про утопленников в пионерском лагере? Как взаимосвязана моя якобы свадебная фотография и утонувшие подростки с водорослями в волосах?

– Смотри. Я, прежде всего, опираюсь на «тайну зеленой воды». Поскольку письмо подкинули мне, то и разгадать ее должен я. А зеленая вода как раз-таки и фигурирует в истории с трагедиями в лагере. Все вроде бы пока намечается стройно, хотя и не ясно, какую роль должны сыграть именно мы. И я, кажется, не смогу найти разгадку в одиночку, поэтому ты совершенно вовремя пришел ко мне в качестве помощника, не имея возможности ответить на вопрос, заданный тебе в трубе.

– Логика, конечно, в твоих словах есть, но какая-то она... Эфемерная.

– Да, – кивнул Лунный. – Ты прав. Мы ничего не знаем. А фактов вокруг накопилось уже достаточно для того, чтобы начать думать. Вот мне, например, позавчера приснилась странной красоты девушка, с которой мы, следуя сценарию сна, поехали в заброшенный аквапарк делать селфи. А вчера я чинил кое-что и обжегся о жало паяльника, потому что развернул его против обыкновения рукояткой от себя. Вот скажи, дружище Кыц, ты нашел бы здесь взаимосвязь?

– Ни при каких обстоятельствах, – хмыкнул я.

– Слава Богу, ты не шизофреник, – радостно ответил Лунный. – Мне понадобилось несколько часов, чтобы выявить

закономерности, совершенно незаметные на первый взгляд. Не буду грузить тебя пространными рассуждениями, просто скажу, что все вокруг так или иначе взаимосвязано. Но очень сложно понять и почувствовать эту взаимосвязь.

– «Даже между тобой, водой, землей и кораблем», – связывал я.

– Туше, – кивнул Лунный. – Я примерно про то же.

Глава 3. Полиция в кафе

Летняя ночь коротка. Вот только ты вроде выходишь на балкон с бутылочкой пива и пачкой сигарет, как – хлоп! – и рассвет. И когда тут спать? Несколько часов подряд думаешь над тем, что вообще вокруг происходит, и нет ни логики, ни целесообразности, а все же томительное чувство таится где-то в глубине души, и требует ответа.

Странное дело, я совсем не чувствовал последствий бессонной ночи. Вполне бодрым шагом я прошагал до причала, но нашел Лунного не на яхте, а на пустом постаменте, предназначенном для какой-нибудь колхозницы в паре с рабочим. Он стоял на нем, поджав под себя одну ногу, а руки раскинул в стороны. Словно цапля.

– Эй, Лунный, – крикнул я. – Ты что здесь делаешь?

– Я произвожу впечатление, – невозмутимо ответил тот.

– Какое?

– А это не мне решать, – так же безэмоционально ответил Лунный. – У каждого оно будет разным.

Я не стал с ним связываться, коль скоро он был в таком странном расположении духа, посему развернулся и пошел в магазин компьютерных деталей.

Город сверкал отражением солнца в окнах высоток, о чем-то говорил шумом машин и щебетом пичужек, и странное настроение вчерашнего дня куда-то пропало, сменившись

тем удивительным чувством, которое бывает у школьника в первый день каникул.

В таком приподнятом расположении духа я удачно приобрел то, что нужно, и все было просто прекрасно, да вот только один телефонный звонок сумел очень сильно выбить меня из рабочей колеи. Да настолько, что я, не успев ни о чем договориться с заказчиками, поспешил обратно к причалу.

Лунный закончил производить впечатление и теперь копался в моторном отсеке. На лбу его было машинное масло, на левой руке кровь, в глазах бешеные огни.

– Кыц, ты вернулся с новостями! – с ходу воскликнул мой друг.

– Угадал, – кивнул я. – С очень важными и животрепещущими новостями. Садись рядом со мной и слушай. Если говорить вкратце, то у меня пропал дальний родственник. Три дня, как от него ни слуху, ни духу. А сегодня в старом парке нашли тело его приятеля.

– О как, – Лунный с шумом втянул носом воздух. – Что за родственник? Возраст?

– Двоюродный племянник, или что-то вроде. Четырнадцать лет. Их три друга, все свои замуты всегда творят вместе. Так вот, один мертв. Двое других исчезли в неизвестном направлении. У найденного трупа есть какие-то особенности, из-за которых его пока не отдают родным. В общем, дело отдает жутью и мистикой. Меня попросили разобраться.

– Ну, сам ты не разберешься. Так. Старый парк – это Ок-

тябрьский район. Это хорошо. Это значит, Мила в курсе. А ее я сейчас и наберу. Вот.

Несколько секунд прошли в тишине. Потом Лунный в трех словах задал тему. И началось. «Понял. Да. Ясно. Ни фиги себе. Так, еще. Ого! Спасибо». После того, как звонок было окончен, на несколько минут все вокруг погрузилось в безмолвие. Наконец Лунный решился и начал.

– Не буду грузить тебя милицейскими терминами и конструкциями, дружище. Просто расскажу тезисно. Дело крайне интересное. Тело мальчика найдено неподалеку от тропинки, которая ведет от центральной аллеи до заброшенного гаража, где раньше стояла поливальная техника парка. Время смерти – не больше суток назад. Следов насилия на теле нет. Куртка на мальчике надета задом наперед. Подкладка мокрая, как и рубашка. В заднем кармане брюк найден читательский билет библиотеки имени Лермонтова на имя Рената Акчурина с фотографией. Изображение соответствует внешности найденного, но по результатам опознания, проведенного единственным оставшимся в живых родственником мальчика – дядей – получается, что потерпевшего звали Али Мамедов. От тела исходит характерный запах стоячего природного водоема, хотя в округе парка нет таковых, а ближайшее болото расположено в Промышленном районе на расстоянии четырех с половиной километров. При этом следов транспортировки тела нет. Вообще, его словно кто-то взял да и положил туда – ни следов, ни примятой травы, во-

обще ничего. Просто тропинка, а в трех метрах от нее тело мертвого мальчика. Сам труп влажный, но, повторюсь, мокрые только подкладка куртки, футболка и трусы.

– Плохо дело, – вздохнул я. – Сдается мне, у остальных двух судьба тоже незавидная.

– По всей видимости, да, – кивнул Лунный. – Вот будет картина, если в волосах этого не то Рената, не то Али найдут водоросли.

– Найдут, – вздохнул я. – И нам придется поучаствовать в расследовании.

– Тогда мне не остается ничего другого, как пригласить Милу сегодня отужинать в кафе «Техно», что на углу Красноармейской и Венцека. У тебя есть дела на вечер?

– Нет, – ответил я. – Ты только скажи мне, кто она, эта Мила?

– Капитан милиции, то есть полиции, то есть черт там не разбери-поймешь чего. Уголовный розыск, короче говоря. Она в курсе всех дел, что идут по Октябрьскому району. Толковая девочка, невероятно красивая, но вот с манерами у нее есть некоторые сложности.

– То есть, ты с ней не мутил?

– Мутил, – вздохнул Лунный. – И как бы мучу до сих пор. Она любит розы, сухое шампанское, заброшенные церкви и ночные прогулки в лесу. И мне она расскажет любое дело по району.

– А я там не буду лишним?

– Да хрен тебя знает, – пожал плечами Лунный. – Точнее, ее. Посмотрим.

Мне не очень понравилось это его «посмотрим», но полемика тут была бы бессмысленной. Сказав «до вечера», я ушел с яхты и вновь отправился по своим делам.

Кафе «Техно» оправдывало свое название. Жесткий интерьер, холодная музыка. Я понял, для чего Лунный выбрал именно это заведение – здесь было все, кроме романтики. Готовили они, судя по запаху, просто божественно, да и пиво было первый сорт, но вот задушевым это кафе ну никак нельзя было назвать. Мила оказалась на самом деле настоящей красавицей. Яркие и выразительные глаза, пышные соломенного цвета волосы, зачем-то собранные в пучок на затылке, тонкие изящные пальцы. Но вот манера общения... У меня в группе так вел себя бас-гитарист после бутылки виски. Не понимаю, как у Лунного получается зажигать с такими девицами? Впрочем, дело не о том.

– Так вот, – сказала Мила, словно продолжая ранее начатый разговор, – Там столько нестыковок, что зампрокурора пока велел молчать в тряпочки. Тот, кого нашли, задал больше вопросов, чем те, кто просто исчезли. Хотя и там не все просто. Один из пропавших, Иван Ларский, непосредственно перед исчезновением говорил по телефону с отцом. Я слушала запись разговора, и там на последних долях секунд кто-то как заорет: «Твою мать! А это еще что за...» И на этом звонок обрывается. При том, что за три секун-

ды до этого Иван вполне спокойно говорит: «Да все хорошо, пап, мы гуляем. Пока, маме привет». Это последнее, что мы знаем об их экспедиции. Дальше – бред.

– А я вообще ничего об их экспедиции не знаю, – тихо сказал я, потягивая холодное пиво из большой кружки.

– Вот как! – Мила смерила меня холодным взглядом и тоже отхлебнула пива. – Лунный хрен, ты что же, ничего не рассказал? Ладно, тогда я.

– Вообще-то, я узнал об этой истории как раз от Кыца, – ледяным голосом ответил Лунный. – Так что попроси не.

– Ну, так вот. Одним прекрасным днем трое парней – Али Мамедов, Иван Ларский и Николай Береснев – отправились в какую-то экспедицию, для которой каждый из них сделал пищевые запасы и даже собрал аптечку. Последний раз всех троих видели на автобусной остановке 66-го маршрута в направлении из города к пионерлагерям. На какой именно – никто не помнит. Спустя трое суток Мамедов был найден мертвым в тринадцати километрах от того места, где его видели в последний раз. Я полагаю, Лунный уже описал тебе состояние трупа?

– Да, примерно. Вот только спрошу: в волосах нашли водоросли, характерные для стоячих водоемов?

– Он знает что-то, чего не знаю я, – Мила метнула острый вопросительный взгляд в Лунного, на что тот сделал вид, что разглядывает пену. – Да. Нашли. И их концентрация там та-

кова, что по логике вещей, труп должен был купаться в этом стоячем водоеме по меньшей мере неделю. Кыц, ты куришь? Изредка? Это хорошо. Пошли, выйдем, мне нужно тебе кое-что сказать мимо ушей этого мракобеса.

Прохладный ветерок залихватски поднимал в небо сизые букли дыма от сигарет. Где-то с необозримой выси на нас смотрели желтые глаза звезд. Мила молчала, и ее белокурые локоны танцевали в такт дыханию наступающей ночи. Прошло минут пять в этом натянутом молчании, и, наконец, она тихо произнесла:

– Тебе кто-то там родственником приходится?

– Береснев, – кивнул я. – Прогнозы есть какие-нибудь?

– Ну, честно говоря, плохие, – нервно сказала Мила. – Дело не в этом. Мы в тупике. Я не очень хочу обращаться к Лунному за помощью, и на то есть некоторые причины, но боюсь, что без его, скажем так, очень специальных знаний мы бессильны. Это и плохо, и хорошо одновременно. Ты как давно его знаешь?

– С детского сада. Мы не вот прямо уж не разлей вода, но очень близкие друзья.

– Прекрасно, – кивнула Мила и глубоко затаилась. – Он вредная пилюля, и идти к нему на поклон не хочется совсем. Хотя мне вроде как можно, учитывая некоторые обстоятельства наших с ним отношений. Не знаю, что делать.

– Хотите сделать меня посредником?

– Ну, если честно, то да, без вариантов. В конце концов,

у каждого из нас есть некий интерес в этой игре.

– Ни хрена себе игра. Я кое-что в играх понимаю, и вот конкретно в этом случае я бы это так не назвал.

– Работая в полиции, становишься циником. Игра. Ну, так что?

– Да пожалуйста, – кивнул я равнодушно. – Что еще известно обо всем этом деле?

– Мало чего, – пожала плечами Мила и жестом пригласила меня пойти обратно. – Сплошные загадки. Там и по времени нет стыковок, и по обстоятельствам. Я в первый раз вижу такое. Если интересно, могу пригласить завтра в 6-е отделение полиции по Октябрьскому району, там я расскажу подробнее.

– Я приду.

– Хорошо. А сейчас делаем вид, что я тебе рассказывала все те странности, которые ты узнаешь завтра.

Лунный встретил нас спокойным молчанием. Все это время он, по всей видимости, занимался тем, что раскладывал кровати концентрическими окружностями по тарелкам.

Поймав наши недоуменные взгляды, он улыбнулся и налил всем по полной кружке пива.

– Все равно раньше завтрашнего дня нам ничего нового не узнать, – сказал он. – Так что теперь давайте отрываться.

Глава 3,5 потому что короткая

Поздним вечером я дошел-таки до этой двери. Я стоял перед ней, но не был твердо уверен в том, что мне следует ее открывать. Огромная, замшелая дверь, крепок сбитая из дубовых досок и окованная по периметру железом, сильно заржавевшим от времени. Прямо под огромной кованой ручкой зияла невероятных размеров замочная скважина, но ключа у меня не было. Я толкнул дверь плечом, но она не поддалась. Разумеется. Я потянул ручку на себя, но дверь по-прежнему не шелохнулась.

И все же мне жизненно необходимо было ее открыть. Я не знал, зачем, не представлял себе как, но точно был уверен в том, что есть за ней что-то, что даст мне ключ к великой тайне.

Вариантов было опробовано великое множество, но все безрезультатно. И вдруг дверь распахнулась, да так, что я едва не упал на бурую жухлую траву. Там была пустота. Просто высохший осенний луг. Из благоухающего цветами и травой июня я перенесся в сонный сентябрь, отчаянно отдающий яблоками и мокрыми дубовыми листьями.

На этом лугу не было ничего, кроме одинокого высохшего дерева, вздымавшего к небу свои черные руки-ветви. И пока я рассматривал его, мне стало невыносимо страшно.

Через луг навстречу шла какая-то странная фигура. У нее

было лицо мальчика, но вместо тела я отчетливо видел набор каких-то связанных вместе палок.

В воздухе зазвенела непонятная и жуткая атональная музыка, и в ее звуках явно слышался чей-то заунывный и скорбный плач.

Прямо передо мной появилось в воздухе лицо. Просто лицо, не привязанное ни к чему – не было ни шеи, ни волос, ни головы как таковой вообще. Оно хотело что-то сказать, но вместо этого смогло произнести только несвязный набор страшных и невероятных звуков.

В безотчетном животном ужасе я попытался ударить его, но внезапно осознал, что мои руки связаны тонкими нитками, покрытыми какой-то черной липкой жидкостью.

С неба посыпались виноградного цвета капли, покрывая все вокруг лиловыми мокрыми пятнами.

Я хотел кричать от страха, но не мог даже открыть рта.

И вдруг все кончилось. Я понял, что смотрю на потолок спальни в моей квартире, залитой синим полумраком короткой июньской ночи.

Клянусь, это был не сон. Видение – возможно, галлюцинация – да, но только не сон. Все было настолько осязаемо и реально, что не оставляло сомнений – я подсмотрел что-то, не предназначенное для моих глаз. Или наоборот, это было какое-то зашифрованное сообщение только для меня.

Я прошел на кухню, открыл дверь на балкон и закурил. Меня трясло и колотило, и сигарета предательски тряслась

в пальцах, разбрасывая пепел по столу.

Да, мы ввязались в такое дело, которое может оказаться нам не по зубам. Лунный, на тебя вся надежда.

Глава 4. Маленькая модница

Окончательно утро для меня наступило в половине одиннадцатого. Я вышел на балкон, кое-как разлепил сонные веки и занялся созерцанием ярко-зеленых пейзажей раннего лета. Резкий контраст между тягостными обстоятельствами последних дней и веселым буйством природы на некоторое время отключил разум. Вспомнив ночной кошмар, я вздрогнул в ужасе, поджег сигарету и погрузился в тяжелые и мрачные раздумья, которые вскоре прервал телефонный звонок.

– Кыц, я жду тебя в пять на яхте, – без предисловий рубанул Лунный. – Не важно, что тебе там расскажет Мила, у меня сведения точнее и важнее.

– Буду, – бросил я.

– Жду.

Я смотрел на листья, едва шевелящиеся от теплого утреннего ветерка, и в который раз содрогнулся от осознания того, что где-то посреди этой летней легкой радости, возможно, лежат два трупа молодых парней. Вот сейчас щебечут птички и жужжат пчелки, а занавес перед трагедией уже распахнут. Полиция хмурится и молчит, не зная, как расписаться в собственном бессилии.

И что мы можем? Поиграть в детективов? Или в экстрасенсов? Черт побери, пропали дети, и никто – никто! – не может даже примерно сказать, что могло произойти. Не ве-

рять же, в самом деле, в эту древнюю историю о смертях в пионерлагере, о которой рассказывал Лунный?

Ладно. Я сосредоточил все внимание на том, чтобы привести себя в должный вид перед посещением присутственного места, и уже через полчаса вышел из дома свежим и бодрым.

В здании полицейского отделения стоял плотный запах дерева, пота и краски. Несмотря на это, после жары июньской улицы мрачная прохлада старинного здания действовала отрезвляюще. И хотя вокруг меня тут и там сновали люди в форме, создавая явно выраженную суету сует, я почувствовал странное спокойствие.

Мила встретила меня в коридоре и, взяв за руку, проводила в кабинет.

– Ты как? – спросила она, убирая с лица тонкую непослушную прядь волос.

– Ну, вроде ничего так. Живой.

– Везет. А мне вот к восьми сюда надо было, это ни фига не круто. В шесть утра мне хотелось только убивать. Вилкой. В глаз. Всех подряд. Ладно. Вот тебе дело. Вопросов не задавай, я знаю ровно столько же, сколько и ты.

Не успела она договорить, как мой взгляд случайно упал на висящий на кресле форменный пиджак, или как там у них это называется. Честно говоря, столько медалей я видел лишь у ветеранов в День Победы. Особо выделялись два синих эмалированных креста, диагонально пронзенные мечами. Они были приколоты отдельно. Кто бы они ни была, эта

Мила, государство щедро поощрило ее усилия.

Стараясь не привлекать лишнего внимания, я уткнулся в папку с делом и пробежался по страницам, вкратце отмечая некоторые моменты.

– Но здесь же ничего не понятно! – воскликнул я.

– Тебе не должно быть от этого обидно, – сухо сказала Мила. – Но грусть в том, что никому из наших здесь тоже ничего не понятно. Садись и читай. Если кто зайдет и спросит, скажи, что я в пятом кабинете.

Кивнув, я открыл папку снова и погрузился в чтение. Сухой язык полицейских формулировок холодным цинизмом скрывал настоящую трагедию. Но черт меня побери, если я мог понять, что там вообще могло произойти!

Трое парней. Умные, адекватные люди. Но один из них говорит двоюродной сестре, что они идут в Сухие Холмы, второй сообщает матери, что собрался пройти вверх по долине реки, а третий врет дяде, что едет в лесопосадку за ягодами. При этом найденные в рюкзаке Мамедова запасы позволяют предположить, что экспедиция планировалась как минимум на три недели. Там и сушеное мясо, и какие-то брикеты, да много еще чего. Да, а ведь 66 маршрут не идет ни на Сухие Холмы, ни на реку, ни в совхоз. Он вообще едет в четвертую сторону. Туда, где сначала городские кладбища, а потом озерки и перелески. Край Родников – так у нас называют конечную остановку 66-го. Или что там – а, да, санаторий «Святые Ключи». Правда, никаких болот и стоячих

вод там не было отродясь. Воды полно, но она там вся свежая и чистая. А на кладбищах вообще никакой нет, там сухой суглинок и сосновые боры. Где, черт возьми, они умудрились найти болото, в котором утонул Али?

Я швырнул папку на стол и прикрыл глаза. Описание трупа Мамедова прочесть не смог. Да я и не понял бы там ничего, не имея ни медицинского, ни криминалистического образования.

Минут двадцать я пытался составить из всего этого более-менее стройную картину, но потерпел полное фиаско. Так и просидел в кресле, изредка покуривая, пока в кабинет не вошла, цокая каблучками, Мила.

– Меня спрашивали?

– Нет, – ответил я. – Ни разу.

– Ознакомился с делом?

– Да. Но это все чушь собачья.

– Ага, – кивнула Мила, тоже закуривая. – Теперь ты понимаешь, зачем нам нужен Лунный? У него мозг работает как-то совсем по-другому. Он находит ассоциации там, где их, кажется, нет. Лунный умеет делать выводы из абсолютно неочевидных вещей, сопоставляя их по каким-то только ему ведомым признакам. Ну, и вообще он очень странный, а это сейчас делу только в плюс.

– Кстати он меня приглашает сегодня к пяти на яхту.

– Я тоже приду, хоть и не приглашена. Воспользуюсь своим официальным статусом, – усмехнулась Мила. – В конце

концов, это дело, будучи раскрытым, сможет из четырех маленьких звездочек сделать мне одну большую.

– Тогда увидимся на яхте, – кивнул я. – А сейчас позвольте откланяться, у меня еще есть некоторые дела.

– Бай-бай, до скорого.

Без пяти пять я был на месте. Взобравшись на яхту, я увидел, как Лунный забавлялся тем, что заряжал в рогатку леденцы и пулял их по бреющей траектории в воду. Это действие сопровождалось довольно смешными звуками. Сначала резинка гудела низким тремоло, а потом раздавался легкий шлепок.

– Грандиозно, – улыбнувшись, сказал я, глядя на этот перфоманс.

– Ну, еще бы, – согласился Лунный. – Из-за ужасно высокой смачиваемости и гигроскопичности сахара мне никак не удастся сделать блинчики леденцом, хотя с физической точки зрения форма конфетки идеальна для того, чтобы она смогла попрыгать раз восемь-десять. Но тонут, заразы, хоть плачь.

– Ты что-то мне хотел рассказать?

– Сейчас Мила приедет, тогда расскажу. А может, и не я поведу рассказ, но кое-что мы познать сможем.

– Так ты ее все-таки пригласил?

– Да вот еще, – холодно ответил Лунный. – Она без приглашения явится. Ты же ей сказал, не так ли?

– Ну... Там такое дело сложное...

– Ясен пончик. Да, правду говоря, и нам без человека в погонах трудно придется. Так что пусть приходит. О, то есть, приезжает. Боже мой, сколько пафоса!

Лунный имел в виду полицейский автомобиль, который, сверкая мигалками и пугая окрестности сиреной, остановился прямо напротив «Таинственного исчезновения».

Лунный помог Миле подняться на борт, предложил ей сигарету и налил рому.

– «Barcelo», – полувопросительно произнесла капитан полиции.

– Анежо, – кивнул Лунный. – Пей и слушай. Кыц, ты помнишь нашего соседа по улице Демократической, толстяка с совершенно непроизносимой фамилией Верлблум?

– О, да, помню, конечно! У него предприятие свое было.

– Ага. И есть по сию пору. Магазин «Маленькая задница».

– «Маленькая модница», – прыснув, поправил я своего эксцентричного друга.

– Сути дела это не меняет, – пожал плечами Лунный. – Так вот. У него есть дочка Анечка. Ей четырнадцать лет, и она – самое умное существо на планете Земля и в сопредельных системах. Ну, во всяком случае, ее высочество так считает. Что самое интересное, она имела разговор с группой наших туристов непосредственно перед их отправлением. И ей есть, что нам поведать. Туману она нагнала – на всю Великобританию хватит. Так вот, к шести часам сия особа прибудет сюда, и наша задача – узнать от нее только правдивые факты,

отфильтровать чушь и выдумки, и при этом не напугать.

– А вот я ее возьму и расколю, – горделиво приосанилась Мила.

– И что будешь делать с осколками? – хмыкнул Лунный. – Ее не колоть надо, а уводить за руку по длинной и запутанной стезе невнятных воспоминаний и едва заметных ассоциаций.

– Увязнешь во мхах, – ответила Мила. – Доверься мне.

– В любой другой ситуации я, пожалуй, послушал бы тебя. Но сегодня наоборот, ты должна довериться мне.

– При всем моем к тебе уважении, Лунный, я скорее доверю тебе допрос призрака, нежели четырнадцатилетней девочки. Во-первых, я сама была такой. Во-вторых, нас в полиции, знаешь ли, не в носу ковыряться учат.

– Нет золота в конце радуги, – тихо сказал Лунный. – Я знаю, как все произойдет. Ты вот вся такая добренькая возьмешь ее за руку и начнешь петь свои сладкоголосые песни. Вплетая в них неуместные и неудобные вопросы. Минут через пятнадцать этого действия она пошлет тебя в такие дали, в которые не всякий рецидивист посылал. Она убежит с яхты, и мы уже никогда не сможем ее разговорить. И ты будешь курить и плевать с борта, проклиная меня, себя и прокурора в таких выражениях, что сделают честь дальнобойщику, которого на ледяном подъеме подрезал любитель на «Приоре». Вот. Поэтому вы с Кыцем сейчас спуститесь в каюту и сделаете вид, что вас обоих не существует. А я тем вре-

менем поведу диалог. Можешь открыть окно, чтобы лучше слышать, но только попробуй встрянь. Мое сотрудничество со следствием прекращается, и я плюю на все это дело и еду в городской парк собирать желуди, потому что моей троюродной сестре нечем кормить свиней.

– Шантажист, – зыркнув исподлобья, бросила Мила.

– Если я не смогу ее разговорить, то ты будешь иметь право заставить меня сделать все, что только ты захочешь.

– Скажем, три бутылки Barcelo и ночь на крыше.

– Да без вопросов. Но если я выясню обстоятельства дела, то же самое с тебя.

– По рукам.

Мила вслед за мной молча спустилась в каюту, легла на полку и закурила. По всему было видно, что ей до смерти не нравится весь этот спектакль. Но, доверяя Лунному, она не могла бы поступить по-другому, а посему взяла себя в руки и устремила свой взгляд вдаль за горизонт.

В любой другой ситуации я бы сильно старался не думать о том, что рядом со мной лежит небесной красоты девушка. Пытался бы сосредоточиться на деле или своих насущных проблемах, все что угодно. Но вот именно сейчас и здесь мне было все равно. То ли от того, что Мила вроде как бы считалась подругой Лунного, то ли от того, что, несмотря на свою удивительную привлекательность, она мне не приглянулась, не знаю.

Вода кокетливо играла с солнцем, тихо плескались о борт

яхты волны. Где-то вдалеке орали чайки.

Устав от необходимости думать о том, кто и что обо мне может сказать, я взял бинокль и принялся рассматривать через открытый иллюминатор дальние окрестности. Так продолжалось ровно до того момента, пока, судя по скрипам, на борт не поднялась та самая молодая звезда.

– Точно здесь больше никого нет? – послышался юный девичий голос.

– Я бы не стал так рисковать, – сухо ответил Лунный.

– Понимаю, – кивнула Анечка. – Ну, где обещанные плюшки?

Где-то наверху послышалось звяканье посуды. Потом едва различимый шепот моего друга и смех девушки.

– Нет, ты что! – просмеявшись, сказала Анечка. – Он придурак и нечего об этом трепаться. Так. Я понимаю, зачем ты пригласил меня сюда. И будь ты кем-нибудь другим, фиг бы я тебе что рассказала. Но своему старому соседу – другое дело. Папа всегда говорил, что тебе доверять можно.

– Спасибо за доверие, – спокойным тоном сказал Лунный.

– Так вот. Само собой разумеется, что каждый из них наврал, – сказала Анечка, продолжая ранее начатый разговор.

– И до Святых Ключей они доезжать и не собирались.

– Ясное дело. Ты прямо как там был. Но ладно. Всех завел Ларский, он вроде бы столкнулся с Мокрым Пацаном лично.

– И выжил после этого?

– Так вот никто ему и не поверил, блин! Только Али и Ко-

лян решили подтвердить. Тупо на свою задницу приключений поискать. Али организовал экспедицию, Ларский у них был вроде научного консультанта, а Колян – как бы просто мужская сила без мозгов.

– Синий шар не успели задействовать? Или наоборот, успели?

– Твою ж мать, ты вместе с ними ходил, что ли? Он был у Али, а в вещах нашли или нет – хрен знает. Судя по всему, успели, да не все. Шар... Он мне самой нужен. Необходим просто. Знаешь как? Вот, то-то же... Но, блин, теперь Али примерил деревянный макинтош, а от этих двоих хрен чего дождешься. Да и то, если вообще выживут. Такие дела.

– То есть, ты тоже думаешь, что они живы?

– Думаю – не думаю... Я типа знаю? Кто бы мне рассказал? Что спрашивал, то и отвечаю. Синий шар должен быть у них, зеленый – у Дашки, красный вообще черт-те где, никто не в курсе. Его, говорят, и не было здесь изначально. И вот я, конечно, все вижу и знаю. Ахахах. Должны быть живы, но это не точно. С Мокрым Пацаном не только шутки плохи, с ним и все остальное так себе. Короче, если синий шар все еще у них, то они умереть не могут в принципе. Вот тебе все, что знаю.

– Не все. Почему Али Мамедов на самом деле Ренат Акчурин?

– Эх ты и хитрый дьявол, – едва не задохнувшись, вымолвила Аня. – И про это узнал! Но так просто надо было,

это с учебниками связано. Он книгами торговал, а тут заказ большой поступил. И Али сделал ход конем. Он под своим именем в библиотеке не появлялся ни разу, вот и схитрил чутка. А наша школьная, как назло – это филиал городской, так вот у него и читательский на городскую оформлен... Короче, теперь наша библиша весь комплект за восьмой класс может поцеловать на прощанье.

– Спасибо огромное, – кивнул Лунный, зашуршав какими-то бумажками. – Вот, как и обещал. Передай маме, я проверю.

– Да я тебе не навру никогда, – серьезным голосом сказал Анечка. – Ты ж колдун, мать твою.

– Ну, тогда спокойной ночи.

– Спасибо, – ответила Анечка. – Блин, а если честно, то все это очень страшно. Знаешь... Всего неделю назад мы с ними гуляли вместе, в кафешке были... А теперь вот так. Помоги, а?

– Обязательно. А теперь иди.

Послышался вздох. Тяжело такие вещи рассказывать, я-то понимаю. И нервы, конечно, на пределе. Но даже это могло объяснить только ее сбивчивую речь. Смысл сказанных слов терялся в сплошном тумане.

В иллюминатор я увидел, как девочка соскочила с узкого деревянного трапа. Через минуту звуки ее торопливых шагов исчезли среди вечерней тишины. Мы с Милой медленно поднялись на палубу, не находя слов. Я долго смотрел

на медленно плывущие по небу облака, и никак не мог отделаться от ощущения того, что случайно посмотрел небольшую часть какого-то сериала, ни завязки, ни сюжета которого не знаю. Мила тоже, по всей видимости, пребывала в недоумении. Лунный молчал и курил, глядя куда-то вдаль.

– Ром, конечно, теперь с меня, но я требую объяснений, – наконец заявила Мила.

– Были бы они, – странно вздохнув, ответил Лунный. – Вы наблюдали чистой воды импровизацию. Просто я подсмотрел ее ленты и профили в соцсетях, и сделал вид, что в теме. А там были и намеки на шары, и круг общения. Оно, конечно, сработало. Но черт меня возьми, если я хоть что-то понял.

– Что ты там ей передавал такое шуршащее?

– Не имеет значения. Это я обещал ее матери, там нет никакого отношения ни к мистике, ни к метафизике, и вообще.

– Ну, так что? Где устроим вечеринку по случаю твоей победы в этом споре?

– Здесь, между нами. Я не выиграл, но и не проиграл. Давайте-ка закажем сейчас пару пицц и хорошенько подумаем, что все это могло бы значить.

Но мне не хотелось хорошенько думать. Мой мозг, словно перегретый процессор, выключился и замер. Все, что я мог делать – это смотреть вдоль реки за горизонт, куда неспешно плыли пушистые облака.

Странно представить, еще неделю назад я был совершен-

но обычным и спокойным гражданином, не помышлявшим ни о синих шарах, ни о мокрых пацанах, и вообще не имевшим никакого намерения расследовать столь запутанные и темные дела. А теперь? Черная фотография; восемь птиц, смотрящих на юг; синий, красный и зеленые шары; мертвый парень, утонувший в городском парке, что там еще...

– Нам не обойтись без памплонки, – подал голос Лунный.

– Зачем это вдруг тебе понадобилась испанка, да еще не столичная? – ответила Мила.

– Ты о чем? – недоуменно сказал Лунный, вскинув бровь.

– Ну, о жительнице испанского города Памплона. Тебе же ведь она нужна?

– Тьфу ты, черт. Я даже не знал, что такой город есть. Нет, никакого отношения к Испании памплонка не имеет. Честно говоря, я и сам плохо представляю, что именно она может, но чувствую, что без нее мы здесь не пройдем.

В этот момент я словно провалился в какую-то туманную бездну, и разум мой перешел в режим «принять все, как есть». Не задавать вопросов. Наблюдать. Читать. Я достал телефон и набрал в гугле «памплонка». Фиаско. Испания, Памплона, коррида.

Июньский вечер плыл легким ветерком с запахом каких-то цветов. Где-то звенела музыка. И на мгновение мне показалось, что Лунный и Мила – часть какой-то невероятной мистификации и декорации к постановке театра абсурда.

Но потом вспомнил, что пропажа Николая – это факт. Что

черная фотография в трубе – тоже факт. И труп Мамедова в парке – опять же факт. И если все это – театр, то придется побыть актером, а не зрителем.

Глава 5. Инфографическая дискуссия

Несколько минут прошли в напряженном и тяжелом молчании. Только все те же тихие волны били в борт яхты, да изредка птицы вскрикивали что-то свое. Никто не мог вымолвить ни слова, пока, наконец, Лунный не произнес:

– Да. Сложно все. И ни черта не понятно. Мне кажется, что для того, чтобы мы смогли во всем этом деле разобраться, нам следует разделить сферы влияния. То есть, поделить общую задачу на отдельные аспекты, каждый из которых был бы в чьей-то компетенции.

– Я могу и должна взять на себя криминалистику, – сказала Мила. – Мне вся эта ваша метафизика страшна и не совсем понятна. А полиция должна заниматься полицейскими проблемами: когда убили, зачем убили, кто бы это мог сделать и так далее. Не уверена, что у нас с ребятами получится, но это наши прямые обязанности.

– Займусь, пожалуй, шарами, – сказал я, поднимая за чем-то руку. – На большее я просто не способен. Это тоже, конечно, загадка, но хотя бы без убийств.

– Кто знает... Впрочем, хорошо, – кивнул Лунный. – Мне остается весь пласт не разобранных нестыковок и несвязанных улик. Прекрасно! Будем работать.

– Жду вас завтра в половине двенадцатого в своем кабинете, – сказал Мила. – Будем приводить матчасть в систему. У меня уже есть в голове некоторая концепция, которую я лучше объясню с помощью инфографики.

– Великолепно, – улыбнулся Лунный. – Тебе бы какой-нибудь отдел маркетинга возглавлять.

– Обязательно приду, – отозвался я. – Но до завтра еще полно времени.

Примерно через полчаса приехал курьер с пиццами. Слава Богу, на некоторое время нам удалось отключиться от этих взрывающих мозги проблем. Было удивительно приятно ужинать на яхте под мерное поскрипывание дерева и нежный шелест волн. Я заметил, какими глазами Лунный смотрит на Милу, и немного удивился, почему между ними нет того огня страсти, который при таком взгляде обязательно должен быть. Она-то на него вообще практически не смотрит. Что же такого, интересно знать, приключилось между ними?

Впрочем, какая мне разница? Интересуется чужой личной жизнью лишь тот, у кого нет своей. Такой вот тип, как я, например. Эх, гори оно огнем! Будем заедать стресс, как обычно. Я взял телефон и заказал еще пиццы и немного пива. Просто для того, чтобы залить тоску в душе.

Возвращаясь домой, я неожиданно услышал, как волшебным поют птицы в тишине ночи. И остановился, чтобы вдохнуть теплый воздух, в котором перемешались десятки аро-

матов. Странное ощущение чего-то необыкновенно нового пронзило меня, и удивительный восторг заставил сердце биться чаще. Что-то было там впереди, что-то жуткое и таинственное, загадочное и неизведанное, и от осознания этого перехватывало дыхание.

Этой ночью я так и не смог заснуть, несмотря на насыщенный вечер. Сидя на балконе, встретил рассвет, окутанный синими кольцами ядовитого дыма. Мимо проезжали одинокие машины, тащились какие-то люди, и внезапно мне стало странно от ощущения того, что вот я такой простой торчу здесь на старом пластиковом стуле и курю, и при всем этом знаю нечто такое, что им всем никогда и ни за что не узнать.

С этим же чувством я ехал в полицию. А тут еще и Мила со странной улыбкой – ни дать, ни взять, секретный агент – встретила меня на пороге отделения.

– Лунный уже здесь, – сказала она. – Он непередаваемо красив в своей гавайской рубаше. Над ним уже весь отдел успел поржать.

– Когда мы с ним однажды решили сходить в суши-бар, он вырядился лордом Дартом Молом, – я пожал плечами. – Так что это еще ничего.

– Пошли. У меня уже все готово.

Посреди кабинета стоял деревянный мольберт, к которому Мила как-то умудрилась прикрепить большую магнитную доску. На ней в довольно хаотичном порядке разместились какие-то бумажки, распечатки, фотографии и розовые

листочки с короткими надписями.

– Присаживайся. Так. А теперь давайте приведем все в систему. В настоящий момент мы знаем следующих фигурантов дела: Али Мамедов, Иван Ларский и Николай Береснев – это потерпевшие. Вот они на схеме, все трое рядом. Аня Верлблум – возможная свидетельница, некая Даша – знакомая Ани и у нее зеленый шар, и еще есть тут некий Мокрый Пацан, личность которого установить пока мы не можем. Поэтому на его месте вместо фото у меня прикреплен вот этот рисунок. Да, не смейтесь, художник я хреновый, но зато искренний.

– Если это вообще возможно – установить его личность, – подал голос Лунный.

– Комментарии потом, – отрезала Мила. – Дальше. Предполагаемым местом преступления является район между городским кладбищем №2, в настоящее время закрытым, и туристической зоной Святые Ключи. Давайте посмотрим, что это за местность. Вот здесь у меня прикреплены снимки этого района. Начиная от пустыря за шестым заводом эта территория не застроена жилыми зданиями, и дорога через нее последовательно проходит мимо кладбища, кольцевой развязки на пионерлагеря и деревню Муранка, технопарка «Авиатор» и, наконец, заканчивается собственно санаторием. Как мы видим на фотографиях и снимке со спутниковой карты из интернета, нигде на указанной местности нет стоячих водоемов – ни прудов, ни болот, ни искусственных запруд.

Вместо этого имеются река с притоком, два больших озера, шесть маленьких и двенадцать родников. Тем не менее, найденные экспертами свидетельства прямо и однозначно указывают на утопление Мамедова именно в стоячей воде, предположительно – болоте.

– Милая Мила, – негромко сказал Лунный. – Попроси, пожалуйста, экспертов проверить остатки воды на трупе или в его одежде на содержание солей или оксидов железа.

– Эмммм... Я, конечно, попрошу, но зачем?

– Надо, – кивнул Лунный. – Пожалуйста.

– Без проблем. Ладно, продолжаем. Тело Али находят в городском парке. Кому и зачем понадобилось тащить труп на такое немыслимое расстояние? Не мог же он, в конце концов, сам перелететь? Вот фото тела, ясно показывающее, что положение ну просто отчаянное в смысле нелепости. Дальше. Время. Вызывает недоумение явное несоответствие планируемых сроков экспедиции и взятых запасов. Об этом мы можем судить по пересчитанным в найденном рюкзаке единицам провианта. Вот здесь вы можете видеть список продуктов, он больше напоминает ассортимент небольшого магазина. Более-менее логично это начинает выглядеть, если предположить, что Мамедов нес на себе продукты, а двое других – что-то более тяжелое и громоздкое. Хотя и в этом случае количество еды явно избыточное. Но может быть, это и правда. Косвенным тому свидетельством могут служить слова Ани о том, что они планировали использовать Берес-

нева в качестве грубой мужской силы. Вот. В этом случае положение оставшихся членов похода двоякое. С одной стороны, они вполне обеспечены провиантом и к тому же защищены некими магическими силами. С другой, не тульский арсенал же они на себе тащили? В общем, эту проблему тоже надо решить с практической точки зрения. Вот тут я нарисовала кое-какую схемку... Все понятно?

– Нет, – честно сказал я. – Кстати, а от какой остановки они поехали?

– Не знаю пока, – ответила Мила. – Так что, все понятно?

– Ничего не понятно, – ответил Лунный. – Ты рисуешь зависимости там, где их нет. Но, пожалуй, кое-что полезное я из нашей сегодняшней встречи получил. Во всяком случае, криминалистика – это и вправду твое, Милочка. Продолжай. Кыц, твоя задача – узнать все об этих чертовых шарах, но ты, строго говоря, так и просил. А я возьму на себя памплонку.

– Дурак, – коротко огрызнулась Мила.

– Да будет так, – срифмовал Лунный и поднялся. – Кыц, пошли, разговор есть.

– Идите, хрен с вами, – надулась Мила. – Валите и помните: я на вас обиделась.

Мы покинули здание отделения, и прошли уже довольно большое расстояние, но Лунный не торопился начинать разговор. Мне тоже было нужно привести мысли хотя бы в какое-то подобие системы, ибо Мила не привела знания в порядок, а наоборот, добавила вопросов.

Наконец он остановился возле какой-то трансформаторной будки, зажег сигарету и сказал:

– В одном она права. Надо собирать каждую деталь, будь она даже самая малозначительная. Эти трое явно не за тем пошли, о чем говорили. Сдается мне, они отправились убивать этого самого Мокрого Пацана. Немного не рассчитав свои силы, знания и возможности. И, если я хоть что-то соображаю, Мамедову-то повезло больше всех. Ладно. Миле об этом ни слова – она к метафизике не расположена. Сейчас мы разойдемся на некоторое время для накопления фактического материала и сбора сведений. А потом посмотрим, кто чего смог нарыть. И еще, нам с тобой нужен план действий. Для начала мы должны осмотреть и обследовать возможный район происшествия. Если у тебя вдруг появится какая-то более точная информация о том, где они все-таки были, дай знать. Потом неплохо было бы в частном порядке побеседовать со всеми людьми, так или иначе имеющими отношение ко всей этой истории с исчезновением и шарами. И, исходя из этой информации, предпринимать дальнейшие шаги. У тебя как со временем?

– Я завтра утром сдаю проект, – ответил я. – И до вечера потерян для общества. Если часам к восьми позвоню, считай, что я готов к дальнейшей работе.

– Понял, – кивнул Лунный. – У меня, вообще-то, тоже есть, чем заняться. Ладно, давай до завтра.

– Подожди, – я остановил его. – Помнишь, ты рассказывал

мне о своем сне с девушкой и селфи в аквапарке. А потом о паяльнике. Ты говорил, что между этим сном и реальностью есть взаимосвязь. Можешь сказать, какая?

– А, да. Смотри. Селфи – это реальность, снятая в ракурсе против нашего взгляда. Заброшенный аквапарк – метафора, говорящая о том, что нечто, поначалу наполненное водой, в одночасье может высохнуть. Девушка... Не хочу быть фрейдистом, но не ради них ли мы готовы на большие свершения? Так вот тебе расшифровка: пытаюсь сделать что-то великое, будь внимателен и смотри на вещи только своим собственным взглядом, а не то рискуешь потерять что-то очень важное. Понятно?

– Более-менее, – сказал я, пытаюсь разобраться в сказанном. – Ну, ты, блин, даешь.

– Да ничего особенного, – пожал плечами Лунный. – Просто этот мир шире и глубже, чем кажется. Учись смотреть на него, Кыц. Если хочешь, конечно.

– Мне и моего мира хватает, – сказал я, все еще находясь под впечатлением. – Ладно, вот теперь давай точно пока. До завтра!

Глава 6. Синяя шестерка

Ночь наступила тихо и внезапно, и я провалился куда-то в темную тишину, где были только прохлада и спокойствие.

А вот утро... Его едва ли можно было назвать приятным.

Где-то около половины пятого меня разбудила гроза. Та самая, что налетает порой внезапно, пугая юное лето грохочущими молниями и ураганным ветром.

Я закрыл окна, закутался в тонкое одеяло и попытался опять уснуть.

Но то ли впечатление от грозы оказалось слишком сильным, то ли волнения предыдущего дня сыграли роковую роль, но вместо спокойного отдыха я увидел страшный сон.

Передо мной стоит наполненный какой-то мутной и желтой водой стакан. Солнце освещает его, и веселые блики мерцают на поверхности, но то и дело набегают черные мрачные тучи, заставляя воду темнеть.

А в толще этой воды плавает фигурка человека. Нет, не игрушечная – живая! Человечек трепыхается, пытаясь преодолеть толщу мутной жижи над ним, но у него ничего не получается. Я вижу, как изо рта человечка вылетают пузыри воздуха, и как они становятся все меньше и меньше, и, наконец, исчезают совсем.

И маленькое тельце повисает между поверхностью и дном, опустив руки вниз, и медленно кружится в тихом

водовороте.

Я вскочил на кровати, вытирая со лба холодный пот.

Срочно надо брать себя в руки. Так дело не пойдет.

Чтобы вернуть мозг в рабочее состояние, пришлось заварить себе крепчайшего кофе, достать из холодильника плитку шоколада и закурить.

Станным образом, мысли никак не хотели упорядочиваться и выстраивать хоть какую-то цепочку. Поэтому я решил записать все свои видения ручкой на бумаге, а потом, если будет нужно, показать их Лунному.

И решив для себя этот вопрос, я обратился к повседневности. Нужно было ехать.

На мое удивление, заказчик очень быстро принял проект и рассчитался. Я стоял на остановке автобуса, имея приличный запас денег в кармане, и тут мне пришла в голову очень внезапная идея. Следуя ей, я поднял руку, и вскоре автомобиль, раскрашенный в желтый и белый цвета, остановился возле меня.

– Авторынок «Антошка», – усаживаясь, скомандовал я.

– Добро, – кивнул таксист. – Решили сменить пеший ход на колеса?

– Да, созрел сегодня. Права давно уже есть, а вот до машины как-то руки не доходили.

– Ну, с Богом. Понадобится помощь – вот мой телефон.

– Спасибо!

Большая площадь, нагретая ярким солнцем, пахла ас-

фальтом, бензином, маслом и резиной. Я шел, словно рыцарь джедай, ведомый Силой. Много машин оставались позади, подмигивая своими стеклянными глазами, улыбаясь приоткрытыми капотами. Но все они были не мои.

И вдруг мой взгляд пересекся с чьим-то другим. Не человеческим. Грусть в четырех фарах, обрамленных сияющим хромом. Темно-синие, даже нет, какие-то сапфировые плоскости, сверкающие под ярким летним светом. И седой старикан, с безнадежным видом жующий папиросу.

– Добрый день, – сказал я, подходя к машине.

– День добрый, – кивнул в ответ дед. – Посмотришь?

– Не буду, потому что уже вижу. Почему отдаешь?

– Пятьдесят, – вздохнул старичок. – Знаю, что дорого, да меньше не могу. Уж больно хороша. Для тех, кто понимает толк.

– Беру, – с ходу ответил я. – Без торга. Пошли с учета снимать.

– Что, вот прямо так? Даже не заведешь?

– Заведу, когда отдашь ключ, – на полном серьезе сказал я. – Я два раза повторять не люблю. Пошли оформляться. Вот деньги.

Я умом понимал, что этот безнадежный олдтаймер не может иметь такую цену. Тем более странно, что изначально рассчитывал расстаться с суммой вчетверо больше этой. И не советскую таратайку я хотел. Но какое-то внутреннее чутье оказалось сильнее. Что-то было в этом автомобиле

безумно притягательное, некая волшебная сила, не позволяющая отвести от нее взгляд.

На удивление все формальности с документами и номерами решились как-то уж очень быстро. Благодарный дед, размазывая скупые слезы по глазам, проводил свою красавицу в новое свадебное путешествие, и я еще долго видел его в зеркала.

Есть ли сердце у автомобилей? Не знаю, но я почувствовал странное тепло буквально через десять минут после того, как уехал с рынка. Как бы ни чувствовала она, но я ее любил. Несмотря на тяжелый малореактивный тонкий руль и неудобную посадку, явно не рассчитанную на мои габариты. Едва ли прошла четверть часа, как я стал ассоциировать себя с этой машиной.

Не дошли еще стрелки до четырех, когда я подъехал к «Таинственному исчезновению». Лунного на борту еще не было. Пришлось подождать и съесть три порции мороженого, прежде чем его фигура замаячила в конце аллеи.

– Кыц на машине, – вскинув левую бровь, констатировал Лунный. – Внезапно и счастливо. Купил себе жуткий тарантас. И сейчас пребывает в надежде, что эта пенсионерка будет исправно катать его по всем нуждам.

– И покатает, – ответил я. – Она смотрела на меня через весь рынок.

– А, понимаю, – кивнул Лунный. – Тогда она и вправду твоя.

Он обошел вокруг машины, потрогал крылья, открыл все двери, и, наконец, сказал:

– Цвет красивый.

– И не только. Просто я тут подумал, что нам придется намотать не один километр по городу и окрестностям, а на автобусах да троллейбусах это не совсем удобно.

– И ты прав, – согласился Лунный. – Но, как я понимаю, делом ты не занимался?

– Не успел, – кивнул я. – Решал сугубо практические вопросы.

Лунный не ответил. Он взобрался на борт яхты, закурил и задумчиво уставился куда-то вдаль.

Я поднялся вслед за ним и присел рядом. Минут пятнадцать не было произнесено ни слова, только сизый дым улетал в небо тонкими кольцами. Откуда-то слышались веселые голоса и всплески, да еще мерный рокот мотора какой-то баржи.

Перед глазами поплыли давно забытые пейзажи из детства, и теплый едва ощутимый ветерок унес меня на несколько лет назад, в зеленые дубовые леса, на простенький велик, к тихим озерам и старым заросшим аллеям. Там я мчался сквозь тонкие веточки, разрезая лес, и впереди были только небо, только ветер и только счастье.

– Ты что-нибудь знаешь о детских железных дорогах? – наконец спросил Лунный, сбросив с меня пелену воспоминаний.

– Самый популярный масштаб – Н0, самое большое количество коллекционеров – в Германии.

– Тьфу. Нет. Я имею в виду настоящую железную дорогу, только вроде школы для детства и юношества.

– Не понял?

– Тогда слушай, – Лунный начал издавека, как обычно. – Мне на глаза сегодня попала одна интересная статья, посвященная детским железным дорогам. Это, дружиче, оказывается, целая индустрия дополнительного профессионального образования. Представь себе узкоколейку длиной в пару-тройку километров, чудной такой тепловозик и поезд из трех вагонов едва ли не фейского масштаба. Ты покупаешь билет и с удивлением наблюдаешь, как в локомотив заходит паренек лет тринадцати, а потом вся эта история свистит и едет куда-то. Вот чего бойся. Ну, слушай дальше. По официальной версии первая такая дорога в СССР появилась в 1935 году в Тифлисе. Но это не так. В 1932 году первую ДЖД открыли в Москве какие-то комсомольцы, и просуществовала она в Парке Горького аж до 1939, а потом ее быстренько закрыли и забыли, да так что официальных свидетельств о ее существовании было всего два, и те в газетах и кратко. И по каким-то причинам ее словно вычеркнули из истории. Конечно, самой реалистичной версией такого поворота было бы то, что кто-то из тех самых комсомольцев не угодил чем-нибудь Вождю, а то и вовсе стал врагом народа, как водилось в те времена, и сложил буйну

головушку где-нибудь в ГУЛАГе, а имя его предали анафеме. И это было нормой, и никого бы это не удивило. Но! Я люблю собирать слухи, знаешь ли. Так вот. Есть один упорный слушок, что произошло на этой микромагистрале что-то такое, отчего даже у видавших виды наркомов внутренних дел волосы под мышками зашевелились. Что-то, не поддающееся объяснению с материалистических позиций марксизма-ленинизма. А это в те времена было примерно тем же поводом закрыть предприятие, как и непослушание системе. «В нашем колхозе нет места попам и кулакам». И Первую ДЖД в Парке Горького скоренько поменяли на Тбилисскую.

– Это прекрасно, но какое отношение Первая ДЖД имеет к нашему делу?

– Вот чувствую я, самое что ни на есть прямое. Не знаю, почему, но уверен, что мне эта информация попала на глаза совсем не зря. Не смотри на меня, будто бы я дурак. А, да, вот еще что. Я тут навел некоторые справки. У Даши – помнишь, о ней говорила Анечка – есть парень. Ди-джей в клубе «Звёздная Сосиска». Так вот. Зеленый шар у него. Это совершенно точно. Только вот что теперь делать с этим фактом, я, откровенно говоря, не знаю.

Лунный замолчал, и словно по его команде замолчало все вокруг. Стихло даже мерное бурчание баржи. Только легкие всплески от ударявших в борта яхты волн немного разбавляли тишину.

И вдруг воспоминания давно минувших лет ярко и на-

стойчиво дали о себе знать. Я вспомнил, как впервые вошел в тот самый клуб. «Звездная Сосиска», ха! Мои уши буквально пронзила оглушительно громкая музыка, а от ярких отсветов прожектора и битого хрустала диско-шара заболели глаза. Где-то вдаль во тьме возвышалась сцена, с одной стороны которой красовался огромный пульт, а с другой – свободная площадка, на которой танцевали самые раскрепощенные и изящные девушки. Справа от танцпола узкий коридор вел в тихий и спокойный бар, а еще дальше располагалась лаундж-зона с мягкими трансформируемыми креслами. Мне тогда в этом клубе очень понравилось, хоть я и не поклонник такого рода музыки.

Но с тех пор утекло слишком много воды и пива, и все могло измениться. Я вопросительно посмотрел на Лунного и предложил ему зажигалку.

– У меня своя инфографика, – особенно глубоко затянувшись, молвил Лунный. – Восемь птиц, смотрящих на юг. Зеленая вода. Зеленая, Кыц! Вот она – тайна. Зеленая вода убила Мамедова, а решат эту загадку восемь птиц. Вот такие мои мысли на этот счет.

– Верхушка айсберга.

– Ну, есть такое, – кивнул Лунный. – Много там тайн, не поддающихся осмыслению нормальному разуму. Дай покататься, а?

– Без проблем. Поехали.

Лунный, надо отдать ему должное, очень хорошо умел

управляться с машинами. По слухам, он с одинаковой уверенностью мог сладить как с электровозом, так и с реактивным авиалайнером. Я сам не видел, но по тому, как он вел автомобиль, можно было сделать вполне определенные выводы. Не было отдельно Лунного и отдельно машины, это было что-то единое и неразделимое, словно мой друг сам стал частью механизма.

И, глядя на этого прирожденного киборга, я решил задать давно мучавший меня вопрос.

– Скажи, Лунный, – обратился я к своему другу. – Мила – она тебе кто?

– Ну... Вроде как моя официальная девушка.

– Странные у вас в таком случае отношения. Тебя самого не смущает тот момент, что рядом с тобой неземной красоты женщина, а ты ведешь себя так, будто ее вообще не существует?

– Ты, Кыц, очень сентиментален. Тебе бы с таким характером где-нибудь в Кальяри жить, да пиццу с винишком употреблять. А по вечерам рыдать над мелодрамами. Знаешь, что я тебе скажу? Женщина, какая бы она ни была – вершина красоты этого мира. Ну, разве что только облака на рассвете над морем имеют призрачный шанс конкурировать. Поэтому с формальной точки зрения Мила не красивее и не хуже всех остальных девушек Земли. Но у нее прекрасная душа, этого не отнимешь. А я в эту душу по неосторожности умудрился плюнуть. И вот из-за этого неприятного обстоятельства она

сейчас со мной очень холодно, и не стремится возобновить общение в полном объеме. Поэтому я покупаю краски и кисти.

Я не нашел, что ответить.

Наш экипаж мчался по пустующим магистралям, плутал по тихим переулкам, плелся мимо красивых аллей и парков, сменяя друг друга, и теплый ветер бил в глаза через открытые окна, и мы были куда счастливее крутых парней на «Геликах» и «Финиках». Наконец Лунный остановил машину перед моим подъездом и сказал:

– Сегодняшний день мы оставили как залог на будущее. Спасибо тебе, дружище, за эту «Ладу». Она хороша, хоть и не молода. Безумно хороша и горяча, как юная девица, хватившая рому на доминиканской вечеринке. Ты дал нам свободу. Я не останусь в долгу. Встретимся через три дня на яхте.

Глава 7. Антиквар

Дома было очень скучно. Не спасла настроение даже любимая гитара. Впервые за долгое время я по-настоящему почувствовал, что одинок. А тут еще эти воспоминания из «Звездной Сосиски». В тот вечер много лет назад там была вечеринка в стиле Happy Hardcore, невероятно скоростная и безумно радостная. Не повторяется такое никогда. А теперь что? Тишина и одиночество.

А, стоп. Мне же нужно найти информацию по этим самым шарам, будь они неладны. Честно говоря, я бы не стал доверять словам девочки-подростка. Мало ли какая фантазия может прийти ей в голову? Ладно, делать-то все равно нечего.

Темную комнату осветило синее пятно экрана. Я вздохнул и принялся за дело.

Плыли по экрану страницы. Тонны фантазий, псевдонаучных бредней и подделок. Да, пожалуй, я был прав, и Анечка Верлблум все это выдумала.

Хотя... Стоп.

«Три стеклянных шара было сделано для этого. Зовут их Рантанлайн, Вейерледейн и Айерналойн. Сила, заключенная в них, не подчиняется законам этого мира, равно как и те, против кого они были созданы». Это что за сайт? Битый какой-то. Половина сценариев не сможет выполняться нико-

гда. Зарегистрирован в Парагвае, но, тем не менее, на русском языке. Если я хоть что-то понимаю, то, кажется, удалось поймать жар-птицу за хвост.

Вот это уже интересно. Давай, Кыц, разматывай клубок.

Но ни один из сделанных запросов больше не принес ничего значимого.

Стало понятно, что в обычном интернете ничего такого не найдется. Ладно.

Придется нырять глубже. Туда, где все можно, но только очень осторожно. Темная сеть.

Эх, не люблю я это всё. Браузер Тор. Незажженная сигарета и нервы.

Но зато сразу: «Айерналоин укатился к малолеткам. Что же, он сам выбирает, куда ему двигаться».

«I'm gonna kill this DJ. He's dead man»

«Bring it back to Iran, otherwise you all are worms' fodder»

«Russian professor grabbed all three. Now it's the time to open the hunt, eh?»

Вот оно как! Ценная штучка. И импортер – русский профессор. Так. Во всяком случае, Анечка не наврала. От этого, конечно, не легче, но хоть что-то.

Значит, будет рыть под этого самого профессора.

Прошло больше часа поисков, прежде чем нужная мне фигура начала вырисовываться. Человек, скрывающийся под кличкой Антиквар.

Очень и очень темная личность.

Вот некоторые комментарии под одной из ссылок на его товар. То, что надо.

«Все, что мы о нем знаем – это то, что он профессор, доктор исторических наук».

«У него интернет-магазин в Темной Сети. Крадеными артефактами торгует».

«Да пипец страшный чувак. Он замесил моего кореша, когда тот в Самарской Луке рылся».

«Так и надо твоему корешу».

«Найду – убью».

«Ага, хрен ты с маслом найдешь, а не его. И молись, чтобы он не нашел тебя».

«Да что ж это за монстр такой?»

«Я с ним жила месяц. Бежала от него дальше, чем видела».

Ну, понятно. Наш человек.

Через некоторое время у меня в глазах начало рябить от этих реплик, смысл которых сводился к одному и тому же, и я переключился на другое.

На поиск контактных данных потребовалось больше часа. За это время я узнал, что он доктор наук, реально профессор, точно убил браконьера на территории национального парка «Самарская Лука», но мастерски ушел от ответственности, имеет внебрачную дочь, а еще получил заочно звание лауреата премии «Охотник за привидениями» в 2010 году. Надо же, а я вот и не знал, что такая премия вообще суще-

ствует!

В результате всех стараний кое-что все-таки нашлось. Правда, в активе был только адрес электронной почты, но и то хорошо. Я написал приглашение и отправился спать, потому что веки в открытом состоянии удерживать уже не получалось.

Можете себе представить, каково было мое изумление, когда наутро в папке «Входящие» нашелся его ответ.

«Господин Игрок, я имею честь знать вас, хотя вы, конечно, со мной совсем не знакомы. Честно говоря, я ждал подобного письма. Готов ответить на некоторые ваши вопросы сегодня в девять утра в кафе „Синий Джо“ на Чапаева. Жду».

Собираться пришлось очень быстро.

Одно хорошо – место встречи оказалось совсем рядом с домом. Буквально пару кварталов, если по улице. Ну, или напрямую через парк, а потом по набережной. В конце пути пришлось немного прибавить ходу, отчего некоторые прохожие заметно занервничали. Но, слава Богу, в итоге я не опоздал.

Кафе оказалось местом для ограниченного контингента гостей. Меня пустили не сразу.

Пришлось долго объяснять, кто я и зачем пришел. Честно говоря, вероятность быть вышвырнутым стремилась к ста процентам, если бы не Антиквар. Он меня ждал.

Кондиционер из последних сил гнал в тесный зал кафе прохладный воздух. Юное дерзкое лето играло за окном яр-

ко-зелеными листьями и вдохновляло пением птичек, хотя на горизонт уже надвигались тяжелые мрачные тучи. Передо мной стояла чашка крепчайшего кофе, в блюдечке валялась половинка круасана. Я демонстративно разглаживал на столе бумажную салфетку, в то время как мой собеседник напряженно молчал.

Это был человек чуть старше средних лет, волосы которого, тем не менее, уже успела как следует тронуть седина. В глаза бросался его невероятно стильный костюм, купленный, вероятно, за границей. Антиквар держался холодно и уверенно, надменно смотря на меня поверх легких очков в тонкой титановой оправе.

– Что вы хотели спросить? – наконец спросил он, ставя на столик чашку американо.

– Зачем нужен синий шар? – как-то не очень удачно начал я.

– Вот так, сразу к делу, – усмехнулся седой. – Пытаетесь взять быка за рога. А что вы вообще знаете о цветных шарах?

– Их три. Синий, зеленый и красный. Они несут в себе какую-то силу, которая сейчас, кажется, вышла из-под контроля.

– Ничего-то вы не знаете. Ладно. Неспроста же вы постарались меня найти. Будь вы не Игрок, а кто-нибудь другой, я бы вот прямо сейчас указал вам на дверь. Но, к счастью, вы – тот, кто вы есть, а я – это я. Поэтому тайн нет. Итак. Слушайте. Цветных шаров четыре. Синий, красный,

зеленый и пурпурный. Об этом последнем практически никто не знает, но он имеет сакральное значение. Происхождение всех четырех окутано тайной, но одно известно точно – это высочайшего качества стекло, окрашенное настоящими минеральными ионными красителями. По самым скромным оценкам, им от пяти до семи тысяч лет, что довольно плохо укладывается в историю обработки стекла человеком. Найдены они были при раскопках древних шумерских развалин, и ценность их не только в том, что их не может быть, а в том, что они, по всей видимости, связаны с древней мифологией. А возможно и сами являются ее частью. Знающие люди пытались дать разные объяснения этим шарам, но все они, как мне кажется, далеки от истины. Самое очевидное предположение – это элементалы. То есть, красный шар – огонь, зеленый – земля, синий – вода, пурпурный – воздух. Они обладают определенным функционалом. Говорят, что тот, кто владеет пурпурным шаром, сможет летать, как птица, и станет равней богам. Синим – никогда не утонет. Зеленый шар дает власть над природой, растениями и животными. Красный дарит человеку способность управлять огнем плюс возможности саламандры. Я не знаю, как именно они работают, и какие механизмы были использованы при их создании, но их существование – факт. И самое интересное то, что как минимум два шара находятся здесь. Буквально сейчас в нашем городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.